

Женщина в столовой расплылась в улыбке:

— Конечно! Я сейчас уйду назад и подогрею тебе ещё одну порцию. Подожди минут пять, я тебе побольше рёбрышек положу.

Хэ Сю улыбнулся:

— Спасибо.

— Офигеть... — Е Сы просто обомлел от такой картины и не удержался: — Она что, твоя мать?

Голос прозвучал довольно громко, и сидевшие рядом люди обернулись. Хэ Сю ответил совершенно спокойно:

— Нет. Просто обычно поздравуюсь лишний раз, вот и всё.

Е Сы ни с того ни с сего почувствовал приступ досады — за всю обделённую вниманием публику школы. Он долго и пристально таращился на Хэ Сю, но Бог Учебы так и не понял, чем вызвал его негодование, и снова уткнулся в свой телефон.

Кажется, на экране даже стояла защитная плёнка от подглядывания: сбоку видно было лишь непроглядную темноту, так что оставалось только гадать, на что тот смотрит.

У Син толкнул Е Сы локтем:

— Пошли. Вы из разных миров. Он тебя не трогал, чего ты до него докопался?

Е Сы ничего не ответил. Он и сам не мог толком объяснить, отчего у него пар из ушей валит.

Наверное, досада от того, что три года кричишь «ау!», а в ответ ни отклика, ни приветов — и даже после перерождения ничего не изменилось.

Фиг дождёшься от него хотя бы слова.

Круглые столы в столовой были рассчитаны на десятерых, но «три гиганта» из хулиганской шайки всегда наслаждались привилегией сидеть за пустым столом. Е Сы и У Син плюхнулись рядом с Сун И. Е Сы жадно умял несколько рёбрышек, а потом сгреб к себе на поднос пару яичных тарталеток.

— С чего это тебя на сладкое потянуло? — спросил Сун И. — Ты же вроде сладкое не ешь?

Сладкое создавало огромную нагрузку на сердце, и после первого приступа в средней школе Е Сы к нему не прикасался. Гордость не позволяла признаться в болезни, поэтому он всем твердил, будто просто не любит сладости, хотя тайно видел во сне торты и шоколад.

Е Сы молча впился зубами в тарталетку, а про себя пел дифирамбы всему миру.

Какая же вкуснотища! Нежнейшая яичная начинка, а корочка всё ещё хрустящая. Старик говорил, что в сладостях нет ничего хорошего, — явно чушь нёс.

Боковым зрением он заметил, как Хэ Сю с горшочком тушёных рёбрышек сел на свободное место за соседним столом. Зажав в зубах недоеденную тарталетку, Е Сы поднял глаза: рёбрышки в том горшочке лежали такой горой, что еле вмещались — одна порция заменяла две. А когда тот раздвинул верхний слой палочками, под ним обнаружилось ещё и несколько

кусков говяжьей грудинки. Чёртова матрёшка, не иначе.

Сун И проследил за его взглядом, хмыкнул, а затем, словно озарённый догадкой, произнёс:

— Братишка, не завидуй. Хочешь, я тебе свою порцию отдам?

— Вали, — Е Сы пнул его под столом. — У тебя в тарелке и так то, что я тебе отсыпал.

Сун И шутливо сложил руки в приветствии:

— Тогда старший брат благодарит младшего за сыновнюю почтительность.

— Пошёл вон! — ещё свирепее огрызнулся Е Сы.

Троица расхохоталась. Сун И смеялся так сильно, что едва не выплюнул рис через нос, за что У Син отпихнул его ладонью, а Е Сы с брезгливостью толкнул обратно.

Пока они смеялись, по диагонали сзади раздался громкий бабах, отдавшийся эхом. Шумная столовая мгновенно притихла.

Улыбка сошла с лица Е Сы. Он выпростал ногу из-под стола и развернулся.

Опять Чэнь Цзыхан.

Чэнь Цзыхан только что с грохотом швырнул пустой поднос на стол. Парня, перед которым тот грохнул подносом, звали Вэнь Чэнь — хилый, щуплый юноша, который учился с Е Сы в одном классе, хотя всегда был незаметен.

Чэнь Цзыхан ткнул пальцем в Вэнь Чэня:

— Запомни мои слова: сам подавай заявление и убирайся из Общежития № 3. Не свалишь через три дня — я тебе помогу.

Сидевшие за этим столом молча попятились подальше от греха подальше, оставив Вэнь Чэня одного. Тот застыл, глядя на поднос перед собой:

— Я уже подал заявление, чтобы меня отселили от тебя. На третьем году старшей школы парни могут жить только в Общежитии № 3. Не переходи границы.

— Ого, это я-то перехожу границы?

Чэнь Цзыхан взгромоздил ногу на табурет рядом с Вэнь Чэнем, наклонился вплотную к его лицу и стал тыкать средним пальцем прямо ему в горло:

— Убирайся. Из. Общежития. № 3. Попадёшься мне ещё раз — я твою башку в унитаз макну и в моче утоплю.

Вэнь Чэнь закашлялся, инстинктивно пытаясь уклониться. Чэнь Цзыхан схватил поднос и снова со всей дури ударил им по столу — металл смялся. Зажав воротник Вэнь Чэня, он вlepил ему звонкую пощёчину по голове, а затем снова нацелился пальцем в кадык.

— Уклоняешься? Всё ещё уклоняешься, блядь?! Да я тебя... Мать твою!

Чьи-то пальцы мёртвой хваткой вцепились в его палец и молниеносно выкрутили его назад.

Чэнь Цзыхан потерял равновесие. Если бы он вовремя не сдёрнул ногу с табурета и не качнулся назад, палец бы просто сломался.

Обернувшись, Чэнь Цзыхан увидел стоящего рядом Е Сы, который так и не отпустил его вывернутый палец.

— Бля! Ты чё, больной?!

— Кто тут больной? — Е Сы уставился на него. — Ты свой палец почистить забыл, перед тем как в ребят из нашего класса тыкать? Может, мне тебе полный комплект устроить: снять шкуру, вынуть жилы и кости обглодать?

— Мать твою, ты в каждую дыру затычка! Думаешь, в нашем классе заступиться некому?! — Едва Чэнь Цзыхан договорил, как из толпы глазающих вышли трое или четверо хулиганов из соседнего класса. Почти одновременно поднялись Сун И и У Син, встав по обе стороны за спиной Е Сы.

Сун И по-прежнему улыбался, но в его взгляде читалась лютая жестокость. У Син разлепил глаза; его холодное, раздражённое выражение лица явно говорило о том, что связываться с ним опаснее для жизни.

Е Сы усмехнулся:

— Отличный старт для третьего года старшей школы. Ну что, подрежем крылышки?

Толпа вокруг тут же принялась улюлюкать. Самые отчаянные влезли на столы и застучали мисками. Е Сы резко отпустил палец Чэнь Цзыхана:

— Здесь разберёмся или на улицу выйдем?

За стеклом кухни закричала работница столовой:

— Вы что творите?! Из какого вы класса?! В первый же учебный день устраивать разборки! А ну разошлись быстро! Иначе я прямо сейчас в охрану позвоню!

Чэнь Цзыхан потирал повреждённый палец и злобно ткнул им в сторону Е Сы:

— В выходные на улице Юнпин.

Е Сы с безразличным видом позволил ему пройти мимо, а когда тот попытался намеренно задеть его плечом, слегка уклонился, отчего Чэнь Цзыхан качнулся и чуть не потерял равновесие.

— По рукам. Даже если Тай Суй не придёт, ты обязан быть. Не придёшь — трусливая внучка, — чеканя слова, сказал Е Сы и поднял глаза на Чэнь Цзыхана: — И ещё: ты сегодня тыкал в меня дважды.

Договорив, Е Сы спокойно, но молниеносно сделал два шага вперёд, сгрёб Чэнь Цзыхана за воротник и со всей силы швырнул его в стоящую рядом колонну. Человеческое тело врезалось в бетон с таким оглушительным глухим гулом, что вокруг воцарилась гробовая тишина — от одного этого звука казалось, будто у жертвы треснул позвоночник.

Е Сы в драках не любил сотрясать воздух угрозами. Он всегда предпочитал точность, скорость и жёсткость: настоящая драка — это когда каждый удар доходит до мяса.

Чэнь Цзыхан хотел выдать сочный мат, но его взгляд упал на напряжённые мышцы на руке Е Сы с надувшимися венами, и слова застряли у него в горле.

В школе Инчжун хватало плохих парней, но бороздил их умы страхом только один.

Поговаривали, будто однажды Е Сы в одиночку сцепился с семью или восемью уличными гопниками и в итоге ушёл оттуда на своих двоих единственный, кто остался стоять на ногах.

Е Сы упёрся кулаком в грудь Чэнь Цзыхана:

— Ещё раз ткнёшь в меня пальцем — я его сломаю. Притащишь своего крёстного папашу — сломаю пару. Не веришь — попробуй.

Прозвенел звонок на вечерние самостоятельные занятия. Пробормотав пару пустых угроз, Чэнь Цзыхан вместе со своими дружками растолкал толпу и убрался восвояси. Зеваки мгновенно разбежались, и в столовой осталось всего несколько человек.

Вэнь Чэнь всё ещё дрожал. Прижимая ладонь к горлу, он посмотрел на Е Сы:

— С-спасибо...

Е Сы не дружил с ним — ему просто было тошно смотреть, как обижают его одноклассника, да и тыкать в горло мог только конченный урод.

— Пустяки. Пошли.

У Син вздохнул:

— Давайте тоже прибавим шагу. Как-никак, первая вечерняя самоподготовка в этом году, эх...

У Син учился не в 4-м классе. Его классным руководителем была заведующая учебной частью — госпожа Ху Сюцзе, которая могла запросто поднять парня из своего класса и засунуть его в мусорный бак на стадионе. Перед ней каждый чувствовал себя тише воды, ниже травы.

Полнейшая тоска.

Е Сы и Сун И неторопливо побрели обратно, наблюдая за тем, как У Син улепetyвает изо всех сил.

— Смотри на него, похож на утку? — спросил Е Сы, после чего они вместе с Сун И закричали от смеха, заливаясь точно две настоящие утки.

К тому моменту, как Е Сы и Сун И доковыляли до задней двери класса, их ржач моментально оборвался: они окинули взглядом свободные места в кабинете, и оба замерли.

Класс был забит почти до отказа, оставалось всего три свободных места. Два из них находились прямо перед ними — предпоследний ряд первого ряда парт, аккуратно у задней двери, то есть прямо под носом у дежурных учителей. А третье место было в самом последнем ряду у окна, по соседству с Чжан Шангаем. Ходили слухи, что суммарно близорукость того составляла больше тысячи шестисот градусов. Это был настоящий маниак учёбы, оправдывавший своё имя: погружаясь в занятия, он демонстрировал поистине сокрушительную мощь, а если не мог решить задачу, разбушевавшись, хватал англо-китайский словарь и начинал с грохотом долбить им себе по голове.

Пока они вдвоём переглядывались с сорока парами уставленных на них глаз, за спиной снова раздались знакомые шаги.

— Дай пройти, — произнёс Хэ Сю за спиной Е Сы.

Стоило Е Сы отступить, как Хэ Сю прошёл между ними и, сделав шаг своими длинными ногами, уселся прямо на то место у задней двери, которое находилось ближе всего к проходу.

<http://bllate.org/book/18378/1766677>